

же Российская земля... растет и молодеет и возвышается: Ей же, Христе милостивый, даждь расти и млადети и разширяться до скончания века».<sup>19</sup> На основе этого краткого эпизода Хронографа в XVI в. автор «Казанской истории» создал гимн независимой Русской земле: «И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманского и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатыся. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие и доброту, яко же при велицем князи первом Владимире православном. Ей же премудрый царю Христе, даждь расти, яко младенцу, и величатися и разширяться и всюде пребывати в муже совершенне и до славнаго своего втораго пришествия и до скончания века сего».<sup>20</sup>

## 3

Тема родины в литературе XVIII в., в частности в гражданской лирике этого времени, нередко сливается с прославлением новой столицы как символа нового пути государства. Тредиаковский положил начало такому восхвалению «царствующего града Санктпетербурга», слив воедино панегирик деятельности Петра I и картину быстрого роста и будущей славы этой столицы (в оде «Похвала Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу»).

Обращаясь к литературе далекого прошлого, мы видим, что уже в XI в. митрополит Иларион изобразил процветание могущественного Киевского государства через образ Киева, украшенного князем Ярославом великолепными зданиями («славный град твой Киев величеством яко венцем обложил»). Но этот образ не привел еще к появлению особого словословия Киеву как столице — символу государства, он вошел в похвалу Ярославу Мудрому. После создания централизованного Русского государства символом его становится «стольный град» Москва, и литература откликается на ее возвышение созданием панегириков, в которых гордость патриота могуществом родины или скорбь о ее бедствиях воплощается в картинах процветающей или разоренной Москвы. Лучшие образцы таких панегириков оставила нам литература XVI и начала XVII в.

Автор «Казанской истории» вслед за гимном Руской земле, свободной «от ярма и покорения бусурманского», поместил похвалу Москве — стольному граду этого независимого государства: «И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко вторый Книв, не усрамлю же ся и не буду виновен нареци того — и третий новый великий Рим, провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Русской земли, во всех градах, и во всех людех страны сея, красуюся и просвещаяся святыми божиими церквами, деревяными же и каменными, яко видимое небо красяшеса и светяшеса, пестрыми звездами украшено и православием непозыблемо, христовою верою утвержено, и непоколебимо от злых еретик, возмущающих церковь божию о сих».<sup>21</sup>

Воспоминание о былом величии Москвы, соединенное с глубокой скорбью о разорении столицы, вплетено в «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (см. стр. 440). Здесь Москва и ее судьба символизируют все государство. Такое представление о роли столицы в жизни всей страны особенно громко прозвучало в годы, когда

<sup>19</sup> А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 87.

<sup>20</sup> Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 57.

<sup>21</sup> Там же.